

ОПЫТ ВНИМАНИЯ¹

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Автор рассматривает внимательную жизнь по совести не в категориях морали, а как путь к целостности: внутренней и жизненной, как основание ответственных отношений с окружающими, как путь возрастания в любви, который в конечном итоге приводит через самоотречение к радости жизни в Боге.

Ключевые слова: внимание себе, внимательность, совесть, встреча, ответственность, любовь, покаяние, грех, радость.

Беседа первая

Мы снова собрались сейчас, у преддверия Рождества Христова, для того, чтобы провести один день в говении. «Говение» по-славянски значит «внимание». Благоговение — это то состояние души, когда все внимание обращено на единственно благое: на Живого Бога, на Его закон, на Его пути, на людей, которых Он любит, на судьбы мира. И наше сегодняшнее говение — это один день, в течение которого мы хотим быть внимательны, — внимательны до конца, внимательны со всей правдой, которая живет в наших душах. Быть внимательным в обычной человеческой жизни, в светских отношениях означает состояние, когда человек прислушивается, вглядывается в другого с тем, чтобы предупредить всякое его желание, предотвратить всякое несчастье. Когда перед нами человек больной, увечный, пожилой, внимание заключается в том, чтобы предвидеть то, что может случиться опасного для него; внимание заключается в том, чтобы очень чутким сердцем и умом улавливать то, чего он не смеет иногда сказать по скромности, по застенчивости или просто по бережливости к нам, не желая требовать от нас большего, чем мы готовы дать. И эти же черты присущи всякому говению, когда мы предстоим перед Богом вместе. Потому что характерное свойство наших говений здесь в том, что мы не в одиночку приходим к Богу. Мы собираемся, чтобы *вместе* провести один целый день, внимая себе, своей совести, своему серд-

¹ Беседы на Рождественском говении для русскоговорящих членов прихода Успения Божией Матери и Всех Святых в Лондоне, декабрь 1973 г.

цу, внимая тому, что Бог нам скажет и в нашем молчании, и в наших словах; внимая и другим с тем, чтобы наша встреча была встречей христиан, т. е. людей, закон жизни которых заключается в том, что им заповедана любовь. Так и проведем этот день — вместе, в сознании того, что мы собрались здесь во имя Христа, собрались здесь для того, чтобы стать лучше — в себе, по отношению к Богу, по отношению друг ко другу; и в течение одного дня попробуем выдержать это внимание.

Внимание всегда предполагает встречу лицом к лицу и встречу глубокую, чуткую. Первая встреча, которая должна совершиться в течение этого дня, — это встреча каждого из нас с правдой, со своей совестью. Христос говорит в Евангелии: Примирайся с твоим соперником, пока ты еще на пути, как бы он тебя не привел к судье, и судья тебя отдаст истязателям, и не выйдешь ты из тюрьмы, пока не отдашь последней полушки². Отцы Церкви, истолковывая это место, подчеркивали, что противник, соперник, с которым мы должны примириться — это не дьявол. С дьяволом примирения нет, с силами тьмы не может быть уговора. Этот соперник, который в течение всей жизни идет в ногу с нами, ни днем ни ночью не отстает, который свидетель всему, что мы делаем, знает каждую нашу мысль, каждое наше чувство, который сознает зарождение добра и зла в нас, когда *мы* еще ни добра, ни зла не заметили в том состоянии отуманенности сердца и ума, которое нам обычно, этот соперник — наша совесть, которая в течение всей нашей жизни, всего пути людского с нами спорит о правде и о неправде, не дает нам покоя, не дает нам отдыха. Мы так часто стараемся этого соперника удалить, стараемся не слышать его, а порой стараемся войти с ним в сделку. Но он ни в какие сделки не входит, он пощады не знает, он является тем мечом правды, света, истины, о котором Христос сказал, что Он принес в мир не мир, но меч³ для разделения света и тьмы, добра и зла, правды и неправды, тот обоюдоострый меч, о котором апостол Павел говорит, что он проникает до разделения души и духа, мозгов и костей⁴; меч, который не допускает никакого смешения между правдой и неправдой, тьмой и светом. Он не знает ложной, временной жалости, за которой последует длительное, а может и вечное, бесплодное сожаление. С этим нашим соперником, который всю жизнь идет вместе с нами, который

² Ср. Мф 5:25—26: Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

³ Ср. Мф 10:34.

⁴ Ср. Евр 4:12.

все знает, который является в нас свидетелем Божиим, рано или поздно мы станем перед судом, и тогда совесть наша станет перед Господом и обличит нас. Об этом нас предупреждают приточные⁵ слова Христовы: «Примиритесь с вашим соперником, пока вы еще на пути».

И вот такое однодневное говение является моментом, когда мы должны стать лицом к лицу с нашей совестью, поставить нашей совести непривычный для нас вопрос: что ты скажешь обо мне?.. Большой частью совесть говорит, а мы умоляем и уговариваем нашу совесть не быть такой жесткой, беспощадной, твердой, требовательной. В течение говения мы должны стать и сказать: «Говори правду, говори без обиняков, говори без пощады, говори со всей резкостью, со всей «неумолительной», ослепительной резкостью судов Божьих, все скажи. Я готов, я готова стоять на суде».

Это — первая встреча, и эта встреча может совершиться только в глубоком молчании, когда мы прислушиваемся к тому, что говорит Господь совестью нашей, живым Его органом в нас. Поэтому значительная часть говения должна проходить в тишине, когда человек просто пребывает с самим собой, молча, прислушиваясь, как бы проходя через воспоминания, которые клубятся в нем, воспринимая, что из его глубин вдруг или постепенно начнет вырастать, какие очертания примет он сам перед своими глазами, когда постепенно станет реже и реже туман, и свет Божий придаст нашему внутреннему миру, нашему прошлому не те обычные очертания, к которым мы привыкли, а новые очертания. Новые они тем, что это будет видение нас самих, нашей жизни, прошлого, настоящего, наших отношений с людьми, с Богом, с самими собой, какими все это видит Господь.

Вторая встреча такого говения — с Самим Господом в молитве, в той радости встречи с Ним, которая неминуемо, непременно совершается, когда двое или трое собраны в Его имя⁶, когда двое или трое собрались, чтобы Он одержал над ними победу, когда двое или трое собрались для того, чтобы дать друг другу повод, возможность, силы, вдохновение, зрячьсть, которые позволяют молить Бога о том, чтобы любой ценой была одержана победа именно Им и *над нами*, ни над кем другим.

Мне вспоминается рассказ одного юноши, который глубокой ночью шел по дороге, размышляя о себе, о Боге. И вдруг его охватила такая любовь к Богу, — благоговейная, преданная, серьезная, ответственная любовь, — что он стал на колени посреди дороги и сказал: «Господи, победи! И если для Твоей победы нужно, чтобы я был уничтожен, пусть я буду уничтожен, но только да будет победа Твоя».

⁵ Притчевые. — ред. выпуска.

⁶ См. Мф 18:20.

Мы не всегда и не легко можем сказать такое слово, потому что страшно. Делается очень страшно от мысли, что ничто нечистое не войдет в Царство Божие, и что мы должны сделать выбор и делать его ежедневно, делать его каждое мгновение между Богом и Его противником, между светом и тьмой, между правдой и неправдой, между добром и злом. И делая этот выбор, мы именно боремся за то, чтобы либо Бог, либо противник победил, третьего пути нет. Кто со Мной не собирает, тот расточает⁷, говорит Господь.

Нет третьего пути, нет иного выбора. Мы либо собираем, либо расточаем, мы либо строим Царство Божие, т.е. Царство любви, тот град человеческий, где царствует, животворит, приобщает к Божественному ликованию жизни Божественная любовь, либо мы это Царство низвергаем, и не в великих вещах, а в самых малых. Каждое слово может быть разрушительно, малейшее действие может быть губительно в этом смысле.

Но речь идет не о том, как мы можем поплатиться за нашу неправду. Если только мы думаем в категориях любви, чувствуем в категориях любви, живем в этих категориях, речь не идет о том, как бы спастись от Суда, а — как бы не обмануть надежду Божию, как бы не ответить на Его любовь холодностью, бесчувствием, неблагодарностью.

И в этом отношении, мы можем себе поставить в течение говения именно этот вопрос: *кто для кого?* Как я рассматриваю жизнь: существую ли я в своих глазах, в своем сознании, своих волеизъявлениях ради любви, чтобы вокруг меня и людям было хорошо, и Богу была радость? или живу я так, что и люди и Бог должны мне служить, чтобы моя греховная, самозамкнутая радость совершилась?.. В течении говения мы можем стать перед Богом и поставить себе этот вопрос: Он ли мне прислужник, раб или я Ему друг? Как я отвечаю теперь, как я отвечал в течении прошлых лет своей жизни Христу? как я отзывался на Его образ, на историческую реальность воплощенной Божественной любви, пронзенной гвоздями, прободенной в ребро, раненой терновым венцом, отягченной крестоношением, умученной страшной Гефсиманской ночью, умирающей в совершенной, полной богооставленности ради меня лично? С чем стою я перед этим образом Божиим? Неужели только с минутным изумлением, с непродолжительной благодарностью, с проблеском умиления? Или стою я иначе, раз пораженный в сердце тем, что я видел, и уже не способный видеть жизнь, мир, людей иначе как через это видение? т. е. таким серьезным, таким значительным, таким

⁷ См. Мф 12:30.

решающим видеть мир, что уже делается невозможным играть в жизнь, а можно только жить ответственно.

А «ответственно» значит две вещи: с одной стороны, в сознании того, что нет ни слова, ни поступка, ни мысли, ни чувства, никакого движения в нас души или тела, которые не станут перед нами в день Суда так, что нам придется ответить: как ты мог, как ты могла себя допустить до этого? И с другой стороны, слово «ответственность» очень близко к слову «отзывчивость». Ответственность связана с нашей способностью отзываться, отвечать на жизнь, давать ответ на ее вопросы, на ее требования. Это другого рода ответственность, она проходит уже не непосредственно между человеком и Богом, человеком и его совестью. Это отзывчивость, которая за собой повлечет и ответственность, проходит большей частью, почти все время, через людей и, во всяком случае, через обстоятельства.

И ставится перед нами следующий вопрос: каков я по отношению к людям? кто я среди людей? Вот почему так важно говеть вместе: собираются люди не по сговору, а по влечению сердца, собираются люди, не просто с намерением встретиться друг друга, а с общей целью: все они хотят ожить силой Божией, судом совести. Поэтому мы можем оглянуться друг на друга и подумать: сколько лет я живу в среде этих людей — и что я в нее внес? Если мы оглянемся и увидим среди нас два-три лица, которые нам только знакомы, которые мы мимолетным взором уловили в храме, но не знаем ни имен этих людей, ни голоса их, ничего о них не знаем, это в малом дает нам картину того, как мы относимся вообще к людям. Выходит, что можно приходить в храм, можно погружаться в тайну Божественной любви, можно просить Бога о том, чтобы эта Божественная любовь снизошла к нам прощением, очищением, радостью, чудесами исцелений, утешения, дарами нужными, а порой и не совсем нужными для жизни, что мы можем стоять перед этой любовью, увидеть человека и пройти мимо... Значит, мы прошли мимо любви.

Если мы оглянемся и увидим людей, с которыми долгое знакомство было мучительной, трудной борьбой, борьбой не с ними, а против собственной человеческой немощи при горении духа, и поймем, что эта борьба так и не привела к тому, чтобы выросла община, где сохранена любовь, тогда мы должны себе поставить вопрос: неужели мы готовы на то, чтобы во всем, все время побеждала немощь и никогда не побеждало это горение духа? Неужели мы не можем сказать себе самому со своей слабостью: «Отойди от меня, сатана, ты стоишь на моем пути!», и забыть себя, отвергнуть себя, взглянуть на себя с нетерпением, сказав: «Уйди же с дороги! как ты надоел мне, как ты мне надоела! Я не могу жить, вглядываясь в свои черты, в свою жизнь, я хочу жить, забыв себя. Отойди всякая память

обо мне самом, отойди от меня себялюбие, тщеславие, самолюбие, все те свойства, которые меня делают средоточием моего собственного внимания, меня ставят в центр жизни, когда мне там места нет».

Можно поставить себе вопрос о том, как думают обо мне люди. Многие нам открывается в том, что люди думают о нас. Они не всегда правы, но у них всегда есть повод и причина к тому, чтобы думать и доброе о нас, и недоброе. Порой они думают о нас доброе, потому что мы осторожны, не раскрываем свою душу перед ними, не даем им видеть себя самих, как мы есть; порой они думают о нас зло, неверно судя нас. В том и в другом случае есть какая-то слепота и неправда в отношениях. И вот это тоже содержание нашего говения. Каждый из нас, если только обратит несколько внимания на другого, который здесь с ним говееет, и поставит себе вопрос о том, как мы связаны с этим человеком, чем, на какой глубине, правдой или неправдой, в Боге или вне Его, — каждый может многое о своей душе и о своей жизни узнать. Это все не сложное испытание совести, оно не требует бесконечных анализов и рассуждений. Стоит только с внутренней правдивостью взглянуть на лицо человека и поставить себе вопрос: где я стою по отношению к ним, к нему, к ней? — и ответ уже потоком льется из души, если только мы дадим своей совести сказать свое правдивое, беспощадное слово.

У нас целый день впереди. Так редко бывает, что никуда не надо спешить, что ничто не требует нашего внимания, что можно просто быть самим собой, самой собой. Используйте эти часы для того, чтобы немножко помолчать, углубиться в себя, послушать свою совесть, взглянуться в свое прошлое, в жизнь. Потом встретимся, и пусть встреча будет чем-то настоящим: посмотрим друг на друга, познакомимся по-новому друг с другом. Возможно, вам покажется странным, что после десятиков лет совместной приходской жизни можно поставить перед собой вопрос о том, чтобы познакомиться. Вспомните Евангельские рассказы о том, как люди, которые встречались, и не раз, в присутствии Христа встречались совершенно по-новому. Вспомните Марию Магдалину, как она пришла и омыла ноги Христовы драгоценным миром. Христос тогда обедал у фарисея, богатого, праведного, чистого человека, клинически чистого человека, который с негодованием подумал: «Если бы этот человек был пророком, он знал бы, какова эта женщина, которая прикасается Ему». И Христос прочел его мысль и сказал: «Когда Я пришел к тебе, ты воды не дал, чтобы Мне умыть ноги, — эта женщина своими слезами облила Мои ноги. Ты масла не дал, чтобы помазать Мою главу, — эта женщина драгоценным миром помазала Мои ноги. Ты лобзания Мне не дал, когда я вошел в твой дом, — эта женщина, с тех пор как

подошла ко Мне, не перестает целовать Мои ноги. Говорю тебе, Симон, кому прощается мало, тот мало любит, а кому много прощается, тот любит много»⁸. После этого разве возможно было Симону так же смотреть на эту женщину, как он смотрел на нее до этой встречи в присутствии Христа?.. И так в Евангелии мы могли бы прочесть про десятки встреч и людей, которые, может быть, и жили бок о бок, никогда не встретившись, и впервые *встретили* друг друга, когда оказались в пределах влияния, власти, света, любви Христа Спасителя.

И вот нам дан один-единственный день, — какой короткий день, какой страшно короткий день! — для того, чтобы перед лицом Христа, в Его присутствии встретиться друг со другом, поставить перед собой вновь или, может быть, впервые вопрос: кто этот человек, кто эта женщина, кто этот мужчина, которого я знаю десятки лет — и о которых я не знаю ничего? Конечно, мы, может быть, знаем очень много фактов о человеке, а что знаем мы о его сущности, о его глубинах? Так мало! И здесь происходит как раз обратное тому, что должно было бы быть. При настоящей встрече так мало, в общем, надо знать друг о друге и так глубоко нам надо знать друг друга. Отец Софроний в начале своей книги о старце Силуане⁹ говорит, что он его знал годами, а рассказать о событиях его жизни почти ничего не может, потому что он не того искал в этой встрече. Немногие вехи ему известны, немногие события, которые имеют внутреннее содержание, были ему поведаны Старцем, но что ему действительно нужно было знать о Старце, это — кто он перед Богом, кто он в Боге. И это ему было открыто многолетним общением. Это так не похоже на то, как мы друг друга знаем! Сколько мы о человеке знаем, и как мало мы знаем *человека*.

Это относится и к нам самим. Сколько мы о себе можем рассказать, а приходим на исповедь — ничего сказать не можем. Событий, которые удержались в нашей памяти, врезались в нее, потому что задели наше самолюбие, вызвали чувство обиды, боли — о, таких событий мы могли бы рассказать слишком много. А поведать что-то о тайниках нашей души, сказать перед Богом *кто мы*, оказывается таким затруднительным. Сколько исповедей начинается словами: «Я не знаю, что сказать» или «не знаю, с чего начать». Как странно! Разве мы настолько ничего о себе не знаем, что надо искать, придумывать, выискивать? Разве нет боли в душе и радости в душе, с которой можно начать сразу? «Вот содержание моей души в данное время, вот чем я живу: хочу благодарить Бога, хочу каяться Богу в этом, за это...» — дальше уже искать те корни, откуда происходят эти состояния.

⁸ См. Лк 7:36—50.

⁹ Архимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан. Разн. изд.

И вот нам надо научиться посмотреть вглубь самого себя отстраненно и спросить: кто же я, что я такое? Если вот сейчас придет конец жизни, с чем я стану перед Богом? Опять-таки, нужен не перечень грехов, неправд или, наоборот, радостей духовных, а сущность какую-то надо найти, потому что Бог так часто проходит мимо того, что так поражает наш взор, видит сквозь это. Петр трижды отрекся от Христа, Христос не требовал от него покаяния или признания, Он спросил Петра: «Любишь ли ты Меня?»¹⁰, потому что смотрел в ту глубину, где, как Он знал, Петр Его любит. И это сущность их отношений, остальное — как рябь, как волны на поверхности воды.

Давайте сейчас с полчаса проведем тихо в молчании либо оставаясь здесь, либо рассеявшись по храму. Потом пообедаем вместе, побудем вместе и в два часа встретимся на вторую беседу.

Мы всегда заканчиваем говение исповедью. Я не уверен, что сегодня смогу так сделать из-за состояния моей спины, поэтому если к концу дня я почувствую, что не могу всех исповедать, мы сделаем то, что делают сейчас в России все время, что Иоанн Крондштадский делал, что я делал уже на некоторых говениях: соберемся на общую исповедь. А теперь помолчим немножко перед Господом.

Беседа вторая

Мы постоянно думаем о грехе, будто это, во-первых, одиночный поступок или нехорошее слово, или мысль и чувство, или желания какие-нибудь. И с другой стороны, нам часто кажется, что подобные поступки касаются только меня самого, что они никак не отражаются на других, поэтому так ли они важны? И обе эти точки зрения равно ошибочны.

Во-первых, грех не заключается в том или другом отдельном поступке, слове, чувстве, желании. Все это является только плодом, результатом чего-то более основного, более глубинного. Христос говорит: Разве доброе дерево может принести злые плоды? Разве нехорошее дерево может принести добрые плоды¹¹? И когда мы видим в себе греховные плоды, то должны себе поставить вопрос о том, какое мы дерево. Борьба с отдельными грехами, признавать их таковыми — недостаточно. Это бесконечно вновь начинающаяся борьба. Так же как было бы бессмысленно, бессмысленно срывать листья с дерева, снимать с него цветы, обрывать его плоды в надежде, что когда-нибудь кончится это цветение, это ношение злых плодов, этот расцвет ядовитых листьев... Никогда оно не кончается, потому что единственный способ — даже не подсесть дерево

¹⁰ См. Ин21:15—19.

¹¹ См. Мф 7:16—18.

под корень, а вырвать его с корнями. Поэтому за частным грехом есть какая-то основная греховность, так же как за частной смертью лежит смертность.

Разницу мы можем уловить, если, читая Евангелие, обратим внимание на то, как Христос призывает к добру и отклоняет от греха. Он никогда не говорит: «Не делай того или другого», будто этим начинается и кончается все. Когда юноша спрашивает Христа: «Что сделать, чтобы спастись?», Он отвечает: «Ты знаешь заповеди?» и дает перечень. И когда юноша говорит: «Все это я сохранил от моей юности, но чувствую, что чего-то недостает», — Христос с любовью, с радостью на него глядит и говорит: «Да, чего-то ты не доделал. Продай все, раздай нищим и следуй за Мной». Христос не говорит ему: «Твори вновь и вновь добро, уклоняйся вновь и вновь от зла». Он говорит: «На основании того, что ты сделал, исполняя заповеди, сделай новый шаг»¹².

Когда законник спрашивает Христа, каков закон жизни, Он отвечает ему вопросом: «Какие главные заповеди?» И тот отвечает: «Любовь к Богу, любовь к ближнему»¹³. Но любовь — это не отдельная заповедь. Это целый строй, это цельные отношения. Разница между любовью и законом именно в том и заключается (об этом и Иоанн Златоуст и другие писали), что закон, какой бы он ни был требовательный, где-то знает предел. Закон можно исполнить до конца, как бы это ни было трудно, но любовь предела не знает. Любовь требует не только того, что у нас есть, — она требует всего человека без остатка. И поэтому в законе, как бы он ни был труден, есть граница; в любви есть задолженность, которая никогда не перестает. Сколько бы мы ни любили друг друга, сколько бы мы ни любили Бога, приходит момент, когда мы должны сказать: «А все-таки я не долюбил». И как бы ни была совершенна наша любовь, по мере того как она растет, она открывает перед нами все новые и новые глубины и просторы и требует большего, требует, чтобы мы любили с большей тонкостью, с большим самозабвением, с большим совершенством. В этом необъятность Евангелия: это не книга и не учение о законе любви, это призыв любить, это образ, который нам дан, о том, как совершенный человек может любить.

О грехе можно сказать нечто подобное. Грех — не частность, грех — настроенность. В начале притчи о блудном сыне идет разговор между младшим сыном и отцом¹⁴. Сын говорит отцу: «Отче, дай мне теперь, что мне будет причитаться после твоей смерти». Казалось бы требова-

¹² См. Мф 19: 16—22.

¹³ См. Мф 22:35—40.

¹⁴ См. Лк 15:11—32.

ние неприглядное, но и только. Но до чего же оно бесчувственное и до чего жестокое! Ведь сводится оно к тому, что этот юноша говорит отцу: «Мне некогда ждать, пока ты умрешь, ты и без того зажился. Чем дольше длится твоя жизнь, тем больше она ограничивает мою свободу, урезывает мою молодость. Пока ты умрешь, пройдет мое молодое время. Давай-ка сговоримся: договоримся, будто ты уже умер, и я от тебя свободен и могу уйти на все четыре стороны, и могу насладиться всем, что жизнь предлагает». Вот сущность греховности. Не отдельный какой-нибудь злой поступок или злое, гнилое слово, а именно такое отношение, что и Бог, и люди стоят поперек моего пути, они мне не нужны, отец мне не нужен. Нужно мне только то, что после его смерти мне все равно достанется. Жизнь его мне не нужна, мне нужна его смерть. Он мне не нужен, — мне нужно его имущество. Отношения сына и отца мне безразличны, мне нужно только освободиться от отца.

И так мы поступаем по отношению к Богу. Если вдуматься, как мы себя ведем по отношению к Богу, что мы делаем? Оказывается, да, мы все время просим: «Дай от Твоего богатства, дай от Твоей жизни, удели из того, что Твое собственное, или дай Себя нам, потому что нам это нужно». И когда мы это получили, мы, как блудный сын, уходим «на сторону далече». Там, разумеется, делается зло, но корень зла в том, что мы начали с того, что поставили себя в центр и решили строить жизнь так, чтобы все потоки текли в нашу сторону, чтобы все добро стекалось к нам. Всех и вся мы рассматриваем как источник нашего благополучия, нашей жизни.

А вместе с этим в притче о добром самарянине Христос так ясно говорит нам о том, где наше место. Законник спрашивает: «Кто мой ближний?» И Христос ему отвечает: «Тот, кому ты нужен»¹⁵. Законник ставил вопрос, начиная от себя: вот я тут стою, озираюсь: кто мой ближний? Христос начинает с обратного: Он глядит на тех, которые в нужде, и говорит: «Все эти люди, для которых ты что-то можешь сделать. Ты — не центр, ты — слуга. В лучшем случае ты послан им Богом, или просто по человечеству ты призван позаботиться о них».

Так что в этом отношении мы должны себе поставить центральный, очень серьезный вопрос: осознав в себе грех, греховность, отдельные грехи, подумать о том, какое место я себе уделяю, определяю в жизни, в мироздании. И большей частью мы обнаруживаем, что мы себя поставили в центр, и Бог — служебная нам сила: «Господи, дай!», «Господи, помоги!», «Господи, защити!» И люди — тоже служебные по отношению к нам. И получается, что человек за собой признает права, а за други-

¹⁵ См. Лк 10:29—37.

ми — обязательства, тогда как по Евангелию у человека прав нет. У него по отношению к другим людям есть привилегия, которая сливается со служением Христа: быть служителем; а права его определяются не тем, что он имеет право требовать, а определяются милосердием любви, любовью других, обязанностью любви.

Если бы мы умели так жить, то мы жили бы в радости, потому что все, что составляет служение, заботу, мы считали бы своим естественным призванием. А все трудности жизни мы рассматривали бы как обстоятельства, которые нам Господь дал, сказав: «Здесь область неправды, безбожия, бесчеловечности. Ты — христианин, ты — христианка. Я тебя посылаю туда, чтобы с тобой пришли любовь, человечность, боговедение, новое — небесное — измерение». Но когда нас настигала радость, когда кто-нибудь к нам проявил милосердие, вместо того, чтобы это воспринимать (как мы это делаем) как естественное, мы изумлялись бы: какое чудо — Божественная любовь до нас достигла! Бог взглянул на меня и через Своего ангела (т. е. посланника) в лице человека послал мне Свою милость. Это чудо, неожиданная, нечаянная радость.

Если бы мы умели считать, что всякая радость, все доброе — это сплошное чудо Божественной и человеческой любви, то наша жизнь была бы наполнена благодарностью и изумлением. Если бы мы считали, что все темное, что бывает в жизни, все мучительные мгновения жизни — это события, в которые нас ставит Господь, чтобы с нами в эту тьму вошел свет, в эту безрадостность вошла радость, в эту безбожность вошло Божественное присутствие, то мы совершенно иначе могли бы жить. И людей, которые нам встречаются, когда они бывают темными, злыми, запутанными, мы рассматривали бы как людей, к кому нас послал Господь, не как людей, которые встали поперек нашего пути, а именно как того человека, раненного разбойниками: как людей, раненных грехом, злобой, ненавистью, неправдой, как людей, к которым нас посылает Господь.

И вот мы должны себе поставить совестливый вопрос, вопрос совести о том, как мы относимся к жизни, насколько мы близки или как мы далеки от того, о чем я сейчас говорил. Можем ли мы сказать, что все, что в жизни происходит, мы принимаем как благой Божий дар: или с изумлением, радостью и благодарностью как чудо Божественной любви и человеческой любви, или как благословенные обстоятельства, благодаря которым мы можем во имя Божие войти во тьму и принести туда свет? Когда мы об этом говорим отвлеченно, мы это понимаем, когда мы думаем о том, что Церковь — это Тело Христово, все еще из века в век ломимое во спасение мира, это нам понятно. Но когда мы вдруг реально оказываемся членом этого тела, и это «ломление» проходит прямо через нас самих,

мы перестаем понимать. Нам кажется, что для того, чтобы мы вместе с другими могли быть этим телом, ломимым во оставление грехов мира, сами обстоятельства должны быть священными. Нам кажется, что вещи должны были бы происходить иначе, чем происходят: не может зло, которое по нас ударяет, быть частью Божиих путей. Мы бываем ранены, смяты ненавистью, злобой, жестокими обстоятельствами... Как зло может творить пути Божии? И мы забываем, что спасение мира произошло через распятие Христово — не ангелами, творящими непостижимую для них волю Божию, а людьми, исполненными различной меры неправдой, совершенно далекой от Бога, и что смерть Христова, которая вся была построена на человеческом зле, была однако победой Божией над этим злом. И в нашей жизни могло бы быть так, если бы мы умели именно так воспринимать зло, страдания, крест, собственную Гефсиманию.

Как я уже сказал, мы не только путаем эту глубинную, основную нашу греховность с частным грехом и из-за этого боремся бесплодно, безысходно с частностью греха. Но кроме того, мы порой, слишком часто, себя утешаем тем, что мой грех — мое частное дело, никому нет вреда от того, что я разрушаю свою душу, свое тело. Это неправда. Бог любит нас в теле и в душе нашей. Он их создавал прекрасными, Он их создавал для красоты. Когда мы уродуем душу, калечим тело, мы раним Божественную Любовь. Но и по отношению к людям это так. Можно это пояснить примером, взятым из современной литературы.

Румынский писатель Георгиу, ставший священником, в одной из своих книг рассказывает о том, как было совершено убийство зимней ночью в далеком краю. Молодой следователь относится к этому убийству безразлично, для него вопрос только в том, чтобы найти убийцу и его покарать. И он не может понять, почему начальник местной полиции не может утешиться о том, что случилось. «Не все ли тебе равно, — говорит он ему, — что какого-то неизвестного бродягу зарезали на краю вашей деревни?» «Нет, — говорит тот, — не безразлично. Вся наша деревня этим убийством погружена в зло». «Какое же это имеет отношение к другим жителям?» — спрашивает следователь. И тогда этот полицейский ему говорит: «Ты видел следы крови, когда ты пришел. Они составляли густое темное пятно на белизне снега. Но смотри, снег продолжает идти, эти следы крови постепенно размываются. И чем меньше их видно, тем они шире и шире распространяются по снегу, как кровь на перевязке. А потом придет весна, снег начнет таять, вода с крутизны побежит в долину, она проникнет до глубин нашей земли, побежит по нашим ручьям, и эту воду будут черпать люди, поливать поля, сады. И к осени окажется, что нет ни одного зерна пшеничного, которое не про-

питано, не напоено этой кровавой водой, ни одного цветка юноша не сможет дать любимой им девушке, в котором не было бы крови убитого на краю нашей деревни прохожего. Каждый человек, который пройдет через нашу деревню, унесет на своих сапогах пыль, оскверненную пролитой кровью, и эта кровь разнесется по всей земле». Этот образ покаяния, как частное дело, частный грех стелется далеко за пределы и сотворившего, и пострадавшего: сначала вблизи, потом вдаль, потом вширь и все дальше и дальше, делаясь все незаметнее, совершенно даже неприметным, и все-таки оскверняя все, к чему он прикасается.

Поэтому, когда мы грешим словом, делом, помышлением, чувством, волей, чем бы то ни было, мы вносим какую-то нечистоту, потемнение, мы вызываем какую-то рябь на поверхности чистых вод, и уже ничто из того, к чему прикоснется это зло, не останется чистым. Христос говорит, что за всякое праздное слово, бездельное слово, гнилое слово мы дадим ответ¹⁶. Вырвалось слово, задрезжал воздух, ударило это слово в чужое сердце, вызвало там гнев, боль, мстительность, ненависть, безутешность, мрак. И помчалось оно еще дальше, неровными, грубыми своими звуками сотрясая всю вселенную. Так и поступки, и мысли наши, и все. Поэтому так важно и так ответственно перед всей тварью, а не только перед собственной совестью, как мы живем, что мы делаем, какими чувствами, поступками, словами мы себя выражаем.

Так что грех не заключается просто в том, что мы нарушили заповедь, и покаяние не заключается только в том, чтобы выразить сожаление и даже не в том, чтобы постараться исправить. Покаяние — это поворот души в другую сторону, это новый строй в душе, это что-то совершенно новое в жизни. Покаяние — не изменение только нашего поведения, еще меньше простое сожаление о прошлом. Это действительно новое начало, когда мы глядим в новом направлении, когда мы по-новому чувствуем, когда по-старому мы уж не могли бы поступить. Возьмите образы покаяния в Новом или Ветхом Завете. Апостол Павел покаялся, весь строй его переменялся. Из врага Христова он сделался Его апостолом, пошел новым путем, что было раньше — стало невысказанным теперь. Он стал другим, новым человеком. В житиях святых мы все время видим такие перемены.

Но если бы мы это видели только в житиях святых, то этого было бы очень и очень мало. Мы можем то же самое ощущать даже в себе, видеть вокруг себя. И вот, когда мы приступаем к говению, мы должны поставить вопрос перед собой: случилось ли со мной что-то, что хоть в какой-то мере делает невозможным для меня прошлое? Случилось ли со мной что-то,

¹⁶ См. Мф 12:36.

что глубоко переменяло мои взгляды на жизнь, мою сердечную настроенность, направление моей воли, весь строй моей души и жизни? И что именно случилось? Если я только испугался Бога и Его суда, со мной случилось очень мало, хотя и это очень важно иногда. Но если только это случилось, мы еще так далеки от Царства Божия! Царство Божие еще бесконечно далеко от нас, потому что Царство Божие — это не царство страха, это — Царство Любви, которая изгоняет всякий страх¹⁷, но не тем, что человек Бога не боится, а тем, что страх стал иной. Это уже не страх наказания, это более острый страх — огорчить любимого и любящего Бога. В этом вся разница. Мы должны перестать быть рабами, которые боятся наказания, мы должны перестать быть как бы наемниками, которые надеются на награду, мы должны дорасти до момента, когда единственная причина, почему мы поступаем так или иначе — это желание быть радостью для Бога и радостью для людей. А радость Божия — в чистоте, в правде, в истине, в свете, в милосердии, в кротости, в самозабвении человека. И радость людей, в конечном итоге, не в том, чтобы их только утешили и приголубили, а в том, что мы им дали новую направленность, новую жизнь, новую надежду, веру, путь. Поэтому не всякая радость законна, и не всякую радость должны мы приносить, а ту радость, которая человека может сначала обжечь, а потом оживить для вечной жизни.

Поставим перед собой вопрос: каковы мы во всем этом? Сколько мы думаем о том, чтобы быть радостью для Бога? Сколько мы думаем о том, что если людям приносить радость, то это не была увядающая, легко гниющая радость, а радость, в которой нет скверны, нет порчи, радость, которая, как огонь, и светит, и греет, но и жжет, и сжигает все то, что несовместимо с горением духа?

Я вам предлагаю подумать об этом немножко в тишине, потом мы поговорим вместе и после молитвы соберемся на общую исповедь. А затем выпьем чашку чая и отдохнем немножко перед всенощной. И дай Бог, чтобы наши размышления не остановились в сегодняшней день, потому что путь покаяния, как образно говорили в седой древности, похож на плавание по морю — все время приходится держать руль, все время считаться с валами, все время принимать в учет видимые и подводные утесы, все время двигаться с осторожностью, и все время, несмотря на постоянное движение руля и паруса, держать одно только направление — к другому берегу. Это требует живости, бдительности, это требует постоянства, но главным образом это требует желания доплыть до другого берега. Не доплываюте, которые надеются, что волны их просто понесут в нужную сторону.

¹⁷ См. 1 Ин 4:18.

Если и доплывают, то бесплодно, потому что нам дано не только плыть, но и других вести, и другим помогать, и другим указать путь. Христос о Себе говорит: «За них Я посвящаю Себя»¹⁸, т. е. делаю Себя святыней, очишаю, обновляю, не только жертвою делаюсь, но Жертвой святой и совершенной. Так и мы должны научиться освящаться, т. е. очищаться, обновляться ради других, ради того, чтобы другим послужить. И тут никакой роли не играет, много ли у нас сил или мало. У каждого возраста свои возможности и свои трудности. Один из западных писателей говорил: «Виден огонь в глазах молодых, виден свет в глазах стариков». И огонь нужен, и тихий свет нужен, тихое сияние так же необходимо, как разгорающийся огонь. Каждый из нас может гореть, как ему дает Господь, но каждый из нас должен и светить, и греть. И поэтому путь говения должен нас привести не только к моменту, когда мы осознаем грех, просим прощения и ликуем от того, что нас встретил любящий, спасающий, исцеляющий Господь. Путь говения должен идти дальше — обновленными мы должны вступить на путь Господень, стать Его вестниками, Его посланниками.

Как Меня послал Отец, так и Я посылаю вас¹⁹, — говорит Господь. В момент, когда из мертвых мы делаемся живыми, из слепых — прозревшими, из незнающих пути — людьми, знающими путь, — нам надо идти и быть для людей светом, теплом, путеводной звездой, добрым самарянином. И как Христос был послан Отцом, так и нам надо быть готовыми уйти в какие-то глубины человеческой боли, отчаяния, обездоленности, ложной радости и внести в них тот вечный свет, который нам дает Господь.

*Редактор публикации — Е. Майданович,
расшифровка аудиозаписи — О. Кузнецова.*

EXPERIENCE OF INNER ATTENTIVENESS

ANTHONY, METROPOLITAN OF SOUROZH

The Author considers a life of inner attentiveness not in terms of moral but as a way to wholeness of the human person and of life, as a foundation for a responsible relationship with those around us, as a way for growing in love which in the end brings us, through self-denying, to the joy of a life in God.

Keywords: inner attentiveness, conscience, responsibility, sin, repentance, growing in love, wholeness of the human person.

¹⁸ Ин 17:19.

¹⁹ Ин 20:21.